

ДЕЛО МОЛИТОВСКИХ ОТРАВИТЕЛЕЙ

25

марта 1880 года в Шуваловском лесу был найден труп пожилого мужчины. Он был убит несколькими ударами топора в голову, неумелыми, но сильными; лицо обезображено, бумаг никаких не обнаружено. Судя по одежде и белью, покойный был человеком обеспеченным. Гладкие ладони с бугорком на безымянном пальце левой руки указывали, что он — левша, а род его занятий — кабинетная работа.

Убитого нашел случайно лесной кондуктор¹, проверявший незаконные порубки. Место для сокрытия трупа было выбрано с умом: небольшой заваленный упавшим сухостоем лесной овраг в стороне от тропинок. Кондуктора насторожила валявшаяся на пригорке перчатка. Снег почти везде уже стаял, оставаясь только в низинах. Разглядеть с седла небольшую вещицу было трудно, но молодой парень, из отставных егерей, мимо не проехал. Когда он спешился, чтобы поднять перчатку, то увидел в сажени от нее двугривенный. Шагнул к нему — нашел

---

¹ *Лесной кондуктор* — помощник лесничего.

далее два полтинника. Заинтересовавшись, кондуктор сделал уже десять шагов вперед, туда, куда указывала цепочка брошенных предметов, и обнаружил в овраге труп.

Благово послал курьера объехать все четыре нижегородские части — нет ли объявления о пропаже схожего по приметам человека. Таковых не оказалось. В Первой Кремлевской исчезла младшая сестра купчихи Рябининой, девица Софья Михайловна, но это история известная. Молодая совсем, а клейма ставить уже негде: каждый год убегает с очередным юнкером высокого росту...

До конца дня никаких сведений об убитом собрать не удалось. Доктор Милотворский сделал вскрытие: вчера за ужином старичок съел жаркое с грибами. Ну и что?

В этот же несчастливый день в городе случилось еще одно убийство. Белодеревец Мушкетов стоял возле трактира «Кот», что в Гордеевке, и дожидался товарища, когда к нему подошел незнакомый субъект. По виду мелкий торговый человек, он был слегка выпимши.

— Как тебя зовут? — спросил неизвестный Мушкетова.

— Иван, — ответил тот, удивленный таким любопытством.

— Ну, а раз Иван, то получи!

И ударом ножа нанес белодеревцу смертельную рану в живот, после чего скрылся во дворах.

Через два часа после этого дикого происшествия сысканой надзиратель Макарьевской части Здобнов донес, что личность убийцы установлена. Некий Дорми-

донт Ширококов, обыватель с 14-й линии Кунавинской слободы. Совершенно ничем не примечательный экземпляр: пьяница и лодырь, каких половина России. За что он зарезал несчастного столяра, неизвестно; вполне вероятно, что преступник и сам этого не знает...

Теперь поимка негодяя стала лишь делом времени. Отоспится в каком-нибудь притоне, утром вспомнит, что наделал, и ударится в бег. Бежать он может либо в родную деревню (Кременки Макарьевского уезда), либо к брату, сторожу Дворянского института. Там или там, но завтра Ширококова возьмут; здесь все предсказуемо. А вот тело в Шуваловском лесу...

К семи часам вечера Благово вместе с полицмейстером Каргером вызвал к себе новый губернатор Безак. Лишь позавчера он прибыл в Нижний Новгород на смену ушедшему Кутайсову, и сразу такое... Генерал-майор Свиты Его Императорского Величества, выпускник двух академий и кавалер боевого Владимира за участие в сражении при Филиппополе. Злые языки говорили, правда, что на турецкой войне Николай Александрович был только три дня и ездил туда за орденом и генеральскими эполетами (получил и то и другое). Те же языки намекали, что из Безака готовят министра — как-никак крестный одной из императорских дочерей... Благово встречался с новым начальником губернии во второй раз и успел понять, что тот человек умный и не злой; уже хорошо по нынешним временам. Особенно в сравнении с Кутайсовым...

На этот раз Безак был хмур и шутил через силу:

— Что это у вас, господа полицианты, уже по два человека за день убивают? Эдак скоро в Нижнем населения не останется — кем я стану руководить?

— А вот погодите, ваше превосходительство, когда снег весь сойдет, — пообещал губернатору Каргер. — Человек десять покойничков сразу обнаружится; мы называем их «подснежниками».

— Да ну! — ахнул Безак. — И вы мне так спокойно об этом говорите?

— Что ж поделать, ваше превосходительство...

— Зовите меня Николай Александрович. Давайте без чинов, нам вместе служить. Это и к вам относится, Павел Афанасьевич.

— Слушаюсь. Так я говорю — что ж поделать, ежели так неизбежно повторяется каждую весну?

— Это еще мелочи, Николай Александрович, — попробовал утешить начальника губернии Благово. — В Петербурге об эту пору собирают ежегодно до восьмидесяти мертвяков.

— Святы́й боже... И что?

— Списывают на несчастные случаи и самоубийства. Хотя все понимают, что две трети из них — жертвы умышленных преступлений.

— А ведь по отчетности — я читал — в столице в год числят не свыше двух десятков убийств, — пробормотал Безак. — Втирают очки государю и не стыдятся...

— На самом деле убийств бывает до сотни, и это без пригородных местностей; с последними еще более, —

продолжил Благово. — Но бог с ней, со столицей, у нас свои приключения. Прикажете доложить?

И начальник сыскного отделения сжато рассказал об обоих случившихся за день злодействах. В заключение высказал твердую уверенность, что Широбоков после завтра утром непременно будет схвачен и, скорее всего, в Кременках. Туда пошлют Лыкова — от него еще никто не уходил. А вот с шуваловской находкой сложнее: куда не установим личность покойного, следственные действия вести невозможно.

Имя убитого было выяснено через сутки после этого разговора. Широбоков уже сидел в остроге — его взяли на квартире у брата (Лыков скатался в деревню без пользы). Кстати, поганец действительно не смог вспомнить, за что зарезал несчастного столяра. «Чевой-то, вашебродие, нашло... прям за душу-то и взяло! Эх, думаю, жисть! Простору нету! ну, и тово...» Беседа в подобном ключе подходила к концу, когда пристав Рождественской части прислал к Павлу Афанасьевичу помощника нотариуса, некоего Подгаецкого. Тот подал явочное прошение:¹ его хозяин, нотариус Антов, бесследно исчез и не появляется ни дома, ни в конторе уже более сорока часов. Что на него не похоже... Возраст пропавшего — шестьдесят один год, телосложения среднего, и он левша.

---

¹ *Явочное прошение* — заявление о пропаже (вещей либо человека).

Лыков и Титус — помощник начальника сыскной полиции и заведующий столом розыска — выехали для осмотра конторы и жилища погибшего. Антонов занимал для своего дела три комнаты во втором этаже дома Обрядчиковых на Рождественской улице. По наведенным справкам, он был человеком уравновешенным и порядочным, но очень замкнутым. Имел серьезную клиентуру среди нижегородского купечества, особенно между старообрядцами основных толков. Являлся многолетним причетчиком домового храма беспоповцев. Вдовец, жил одиноко в собственном небольшом домике в Панской слободе. Пребывал в достатке, но жизнь вел скромную, без мотовства. Его помощник Андрей Александрович Подгаецкий, бесцветный, subtilный человек лет 28, был, видимо, встревожен происшедшим. Теперь ведение всех дел конторы свалилось на него одного. Подгаецкий немного растерялся, но не робел — он уже четыре года служил у старика и знал всю кухню наизусть, справится. С другой стороны, теперь помощник сделался хозяином отлаженного дела, с готовой клиентурой... Алексей поэтому сразу записал его в подозреваемые.

- Когда вы видели вашего хозяина в последний раз?
- Он мне не хозяин, а работодатель. Был.
- Ответьте, пожалуйста, на заданный вопрос.
- В четыре часа пополудни 24 марта он ушел из конторы домой. Обычно мы сидим до шести, но Парфен Семеныч сказал, что у него болит голова. Такое иногда случалось, когда менялась погода. А в тот день

как раз пошла резкая оттепель, так что я и не удивился. Но на следующий день Анто́в всегда появлялся; а тут десять часов, одиннадцать, половина двенадцатого... Ни его самого, ни записки. В обеденный час я отправился к Парфен Семеньчу домой, а прислуга мне заявляет, что он и ночевать не приходил! Признаться, тут я даже успокоился.

— Почему? Такое уже бывало?

— Один-два раза в год шеф загуливает. Загуливал... Мужчина он был еще очень живой и совсем не бедный, но строгих правил. И очень скрытный! Никаких там девок — только честные вдовы, притом не из простого звания. Город у нас купеческий — в честных вдовах недостатку нет-с! Все было весьма пристойно, без огласки; только я один и знал, что есть у Парфен Семеньча такая слабость. Раз в полгода он менял себе пассию и тогда пропускал присутственный день. Вот я и подумал: опять оскоромился, старый хрен... Но когда и назавтра Анто́в не появился, я обеспокоился и побежал в полицию.

— У вас были в последнее время какие-нибудь скандалезные дела? Ну, вы понимаете: подозрительное завещание, сомнительная купчая...

— Понимаю, но сразу отвечаю: нет! Вы не знаете Парфен Семеньча. Очень щепетильный, очень осторожный! У нас имеются в городе два таких нотариуса, о каких вы говорите. И они еще зададут вам, сыщикам, работы. Но мы не из них-с. Нет, по роду занятий своего работодателя я не предполагаю никаких угроз его жиз-

ни. Думаю-с, вам надобно искать вдову. Очередную вдову, которая на этот раз — увы! — не оказалась честной. Где-то же ведь он заночевал! И там его убили...

Лыков отпустил помощника, ставшего вдруг незначай целым нотариусом, и поехал беседовать с кухаркой погибшего. Та оказалась бестолковой старухой, к тому же растерявшейся: вся ее размеренная понятная жизнь рухнула в одночасье. Однако на вопрос о похождениях Антова по вдовам решительно ответила, что за хозяином подобного никогда не числилось. Дворник, он же кухонный мужик, рассказал и того меньше; в доме покойного подсказок не обнаружилось.

Попытки собрать какие-либо сведения об Антове в других местах оказались столь же бесплодны. Выяснилось, что покойный вообще мало чем интересовался. Он даже в карты не играл! Родственников у Парфена Семеновича не оказалось, ни в клуб, ни в компанию сверстников он не хаживал. Только работа, дом и заботы по обязанностям причетчика — но и там он был замкнут и закрыт для единоверцев. Очень удобный объект для преступлений! Убили человека — и не у кого даже спросить о нем... Показание Подгаецкого, таким образом, проверить не удалось, но оно оставалось единственным, дающим хоть какое-то направление для поисков.

В восемь часов пополудни состоялось совещание у Благово. Первым доложил Лыков. Следом Титус рассказал о результатах опроса немногочисленных обитателей Савеловской Гривы, как еще называли Шу-

валовский лес. Вроде бы какая-то пролетка появлялась со стороны Молитовки... Ни примет возницы, ни описания экипажа, ни даже точного времени. Татарин-старьевщик слышал храп лошади, когда «уж давно, как стемнело». Стало быть, в четыре часа Анто́в вышел из своей конторы на Рождественской и где-то употребил жаркое с грибами. А примерно в девять вечера его, уже мертвого, сбрасывали в овраг на другом берегу Оки, в шести верстах от кунавинских окраин.

Совещание было прервано внезапным появлением пристава Второй Кремлевской части ротмистра Фабрициуса. Он вбежал встревоженный, стукнул об пол саблей и выдохнул:

— Ивана Бурмистрова отравили! Насмерть.

— Мор напал на наш бедный город... — пробормотал Благово, хватаясь за фуражку. — Третий покойник за три дня. Поехали!

Иван Михайлович Бурмистров, член известной в городе промышленно-купеческой фамилии, проживал с молодой женой в собственном доме на Большой Печерской, возле Троицкой Верхнепосадской церкви. Когда полицейские прибыли в особняк, они застали там супругу Анастасию Павловну, только что ставшую вдовой, и гостя дома — некоего Василия Георгиевича Гаранжи, отставного поручика. В зале на столе красовались остатки торжественного ужина — с вином, дичью и фруктами. Хозяйка дома лежала в спальне в полуобморочном состоянии, растрепанная и вся какая-то зеленая.

Она была еще молода, но толста и некрасива. В противоположность ей Гаранжи являлся писанным красавцем. Высокий, атлетично сложенный кудрявый брюнет с ухоженными офицерскими усиками и ярко-голубыми глазами, он был просто великолепен даже в состоянии шока. А он был именно в таком состоянии: тоже зеленый, со следами рвоты на шюртуке, с испуганным взглядом... Поручик шлялся по дому, всем мешал дурацкими вопросами и то и дело бегал в ретирадное.

В кабинете же, прямо на полу, лежал Иван Бурмистров. Руки и ноги сведены судорогой, на бороде черная пена, зрачки расширены, зубы стиснуты намертво. Над телом склонился полицейский врач Милотворский.

— Что скажете, Иван Александрович? — тронул его за рукав Благово.

— Симптомы отравления растительными алкалоидами. Борец или жабрей; возможно, болиголов. Более точный ответ даст только анализ, Павел Афанасьевич.

— По методу Стаса?¹

— Вы и здесь специалист? Не голова у вас, а Правительствующий Сенат.

— Как быстро сможете дать заключение? Метод очень трудоемкий.

— Если пошлете курьера в Москву за реактивами — в Нижнем таких нет, — то через три дня.

---

¹Бельгийский химик *Жан Сервэ Стас* в 1851 г. открыл метод обнаружения растительных ядов в тканях жертв.

— Вдову уже осмотрели?

— Да, и господина Гаранжи за компанию. Такое же отравление, но в меньшей дозе. Им очень повезло — ели ту же пищу, что и покойный, но уцелели.

— Выясните это поподробнее: ту или все-таки немного другую? Нет ли здесь имитации?

— Вы полагаете? — вскинул брови доктор.

— Полагаю, Иван Александрович, еще как полагаю. Молодая жена, старый богатый муж и красавец «гость дома». Ничего не навевает?

— Понял вас, — пробормотал Милотворский и немедленно отправился в гостиную.

Тут в кабинет ворвался Гаранжи, театрально ударился головой об косяк и вскрикнул:

— Это я его убил! Все мои перепела! А я еще смеялся... Проверьте дичь, господа, она всему виной!

— Какие еще перепела, господин Гаранжи? — насто-рожился Благово. — Кого вы убили?

— Там, на столе, в тарелках. Мои перепела. Я их захватил с собой угостить Ивана Михайловича, он большой любитель вкусно покушать. Птицы кавказские, я привез их еще в начале зимы, когда приехал сюда после отставки искать места. На Кавказе иногда травятся перепелами — очень редко и не до смерти, но случается... Я еще рассказал об этом, мы посоветовались и решили жарить их долее обычного. И вот! Первой почувствовала себя плохо Анастасия Павловна, а потом... а потом...

И Гаранжи снова стукнулся красивой головой об стену и взревел белугой.

– Только без истерик, Василий Георгиевич! Рассказывайте дальше, и в деталях.

– Иван Михайлович побледнел, встал, извинился и выбежал в кабинет. Я пошел за ним следом, встревоженный, но сам еще ничего не чувствовал. Бурмистров сказал, что у него сильная колика в желудке. Потом вдруг как началось! Внезапно и очень быстро... Он упал на спину, где стоял; завязались судороги, у него потекли черные слюны – фу! – а потом и пена пошла изо рта. Тоже черная... Тут из гостиной закричала Анастасия Павловна, и я бросился туда. Минут пять бегал из кабинета в гостиную и обратно, а затем и у меня открылось... Я перепугался. Решил – все, помираю. Потом все же встал и пытался помочь, в первую очередь, конечно, даме. Послал прислугу за врачом, разыскал рвотный камень, горничную заставил делать промывание желудка, сам на какое-то время застрял в отхожем. А когда снова пришел в кабинет, увидел вот это... Его убили мои перепела. О боже!

Благово вызвал Милотворского и велел Гаранжи рассказать ему о своих подозрениях относительно дичи. Иван Александрович задумался.

– Да, в литературе я встречал описание таких случаев. Они редко бывают смертельны, но при слабом сердце возможен и роковой исход. Хотя... Послушайте! А ведь это действительно все объясняет!

— Что именно? — встрепенулся коллежский советник.

— Симптомы. Это симптомы отравления конином! Как я сам не догадался? Расширенные зрачки, парестезия кожи, судороги, восходящий паралич тела, затем паралич дыхания и, как следствие, смерть. Полагаю, что это болиголов!

— Болиголов?

— Да. Страшное растение, но перепела действительно могут есть его безо всякого для себя вреда. Необъяснимый факт. В болиголове, кроме кониина, содержится еще и коницетин. Эти два яда убьют лошадь, не то что человека. Но таких случаев — один на миллион! Действительно, ужасное невезение... Господин Гаранжи, мне понадобятся ваши рвотные остатки. И госпожи Бурмистровой тоже.

— Мои все в ретирадном. Обещаю, когда меня опять начнет выворачивать, немного сберечь для вас в какой-нибудь посуде. А относительно Анастасии Павловны, так это к ее горничной; там этого добра целый таз. Ой! Кажется, опять началось! Извините, господа...

И отставной поручик умчался прочь.

Благово тут же повернулся к Лыкову, который, как он заметил, очень внимательно и недоверчиво слушал рассказ Гаранжи.

— Что скажешь, Алексей? Ты ведь тоже служил на Кавказе. Такое там действительно случается?

Тот ответил очень серьезно:

— Именно потому, что я бывал на Кавказе, у меня есть своя версия. Возможно, Гаранжи просто не ожидал встретить здесь человека, знающего, как и он, эту историю...

— Что за история?

— Это туземная история, среди русских она известна единицам. Если мы найдем мотив...

— Ну, хорошо. Закончим здесь свои дела — их еще много, и по пути в управление расскажешь.

Два часа продолжался тщательный осмотр всего особняка. Сыщики обыскали жилые комнаты, включая помещения прислуги, кухню, ледник, служебные постройки. В отдельный мешок сложили лекарства, что обнаружили в доме, все пузырьки, бутылки с жидкостями, сосуды со святой водой, вина и наливки из буфета. Забрали на анализ также посуду, в которой готовили и из которой ели несчастных перепелов, и графин с настоек, что стоял на столе в гостиной. За это время барыне стало легче, и она удалилась в свою спальню, а Гаранжи уехал на извозчике к себе. Назавтра ему, если позволит здоровье, предстояло явиться в сыскное отделение на допрос.

— Так что за историю ты имел в виду? — спросил Благово Лыкова, как только они уселись в служебную пролетку.

— Это очень старая история, которую даже в горах знают не все. Я услышал ее случайно. В 1878 году, после окончания войны, я еще четыре месяца ловил в Дагеста-

не и Чечне абреков. Они помогали туркам, и, заключив мир, мы принялись за этих ребят всерьез... В нашем отряде были туземные милиционеры: аджарцы и осетины. И вот один из них как-то у костра, за ужином, рассказал эту полуполегенду-полубыль. Тогда на ужин тоже оказались перепела — настреляли для своих нужд. И Мамед-Гасан сказал: «Не отравиться бы, как тот владетель». Его, конечно, спросили, о ком он говорит, и он поведал... В самом начале века младший брат владетеля Ахалцихского пашалыка отравил своего старшего брата, чтобы занять его место. С помощью перепелов. Эти необычные птицы действительно могут есть семена самых опасных растений безо всякого для себя вреда, но мясо их делается при этом ядовито. Отрава накапливается в дичи, которая совершенно здорова на вид и неотличима от прочих, не опасных, птиц. Осенью перепела особенно жирны. В это время содержание яда в них становится уже смертельным; даже картофель, поджаренный на их жире, убивает. Зная это, коварный братец за лето выкормил одну заранее пойманную птицу ягодами и семенами цикуты и — болиголова! А затем устроил пир для любимого родственника. Перепела, совершенно одинаковые по наружности, были приготовлены в разной посуде. Убийца потом сложил их вместе, на одно блюдо. Посвященный в заговор слуга спокойно положил хозяину на тарелку здоровую птицу, а владетелю — ядовитую. У всех на глазах... И получилось, как у нас сегодня: все вроде бы ели одно и то же, но один умер, а остальных

лишь вырвало. Видимость такая, что под Богом вместе ходили, и человеку просто не повезло. А на самом деле — обдуманное преднамеренное убийство.

— Оч-чень любопытно, — лаконично прокомментировал Благово и на минуту замолчал. Потом приказал вознице: — В полицейский морг!

Повернулся к Алексею и спросил:

— Значит, главное — готовить в разной посуде?

— Да, а потом съесть несколько ложек отравленного бульона. Нам надо срочно найти и допросить кухарку. Бурмистрова сказала, что отпустила ее на три дня в деревню сразу после того, как та приготовила ужин. Подозрительно!

— Кухарку мы, конечно, найдем, но, если твоя версия верна, ее подкупили и на время от нас спрятали. Деньги там большие, дать могли столько, что мы ничего от этой бабы не узнаем. Я с подобным сталкивался. Маглер хлебной биржи Иван Лельков убил свою супругу, чтобы жениться на ее сестре. Все знаю: как, когда, кто помогал. Доказать ничего не могу... Пусть Титус завтра из-под земли достанет эту кухарку, а ты займись поручиком. Служил на Кавказе, значит, имел возможность слышать твою историю. Птиц привез оттуда в начале зимы. Мог он купить у какого-нибудь недоброго человека ядовитую перепелку? По особому заказу...

— Мог. И головой об косяк Гаранжи бился ненатурально. Надо покопаться в его прошлом. Как он оказался в Нижнем Новгороде, на какие средства живет, что